УДК 159.9

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МОДАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ РЕФЛЕКСИИ

Т.Э. Сизикова^а

^а Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Россия, Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28

Представлены методологические основания модального подхода к пониманию рефлексии. Автор опирается на критическую онтологию Н. Гартмана и выделяет три методологических основания модальной психологии рефлексии: построение мета-модели рефлексии в рамках структурных категорий на основе ориентировочно-исследовательской онтологии рефлексии; место рефлексии во всеобщей критической онтологии в качестве высшей ступени душевного слоя; модальный анализ рефлексии и триангулярная сеть модальностей. С помощью модального анализа описываются триангулярные отношения между модальностями рефлексии: первый ряд состоит из шести модальностей, второй ряд – из 12 модальностей, третий – из 160 модальностей. Триангулярная сеть модальностей пронизана интенциональностью, которая придает ей активность, равно как интенциональность пронизана модальностью и тем самым наполняется качественной характеристикой. Полимодальность и полинаправленность – это два инверсных по отношению друг другу, в смысле инаковости, бытия проявленной целостности рефлексии.

Ключевые слова: модальности рефлексии; ориентировочно-исследовательская онтология; триангулярные отношения модальностей; мета-модель рефлексии; интенциональность рефлексии.

Краткий исторический экскурс в проблематику

На сегодняшний день мы встречаемся с тем, что «направления современной психологии, с одной стороны, развивают традиционные подходы этой дисциплины, а с другой стороны, большинство из них ориентировано на формирование целостного взгляда на современного индивида» [1. С. 90]. К настоящему времени накоплен большой исследовательский материал в области психологии рефлексии. А.В. Карпов выделил 11 направлений [2] в отечественной психологии рефлексии. В.Ю. Дударева [3], проводя анализ зарубежных исследований, определила четыре темы, которые в той или иной степени не обходятся без обращения к рефлексии. Ею подчеркивается, что термин «рефлексия» (reflection или reflexion), характерный для отечественной психологии, не употреблялся до недавнего времени в зарубежной психологии, и поэтому исследователи вынуждены были обращаться к его «заместителям»: «склонность к самоанализу (psychological mindedness), интеллектуальная рефлексия (метакогнитивный подход, metacognitions), представления о психическом других людей (theory of mind) и, наконец, проблема осознаваемости разных процессов и деятельности (consciousness)» [3. С. 104].

В последнее время, как показали наши исследования, ситуация изменилась: все чаще в работах встречается употребление reflection или reflexion, особенно в направлении, занимающемся рефлексивными практиками. Данное направление оформилось в рамках феноменологического подхода и ориентировано на профессиональное обучение.

Как считает С.Н. Cáceres, представления Дж. Дьюи [4] о том, что рефлексия является специализированной формой мышления для того, чтобы избавиться от сомнения, неуверенности или недоумения, отнесенных к опытной ситуации, привели к утверждению «учись у дела» и концепции «рефлексивной практики» (reflective practice), которая закрепилась в психологии благодаря работам Д.Д. Шона [5]. Его усилия были направлены на развитие рефлексивных практик, но не на сам процесс рефлексии. Им выделено два вида рефлексии – рефлексия после события и рефлексия в ходе события («отражение в действии») – как рассмотрение текущих реакций и опыта, для того чтобы выстроить новое понимание действий в складывающейся ситуации с целью улучшения будущего. Работы Д. Шона стали в некотором смысле «каноническими» в профессиональной подготовке и образовании.

Позднее был поставлен вопрос о том, какими должны быть отражательные практики и в каком контексте использоваться [6]. В связи с этим пространство получает интерпретационный феноменологический анализ в рамках качественной психологии [7]. Источником получения рефлексивных данных являются самоотчеты испытуемых и исследователя, а также всевозможные литературные произведения, содержащие развернутые описания внутренней жизни человека (художественные, философские тексты, дневниковые и автобиографические записи, мифы и т.п.). С изменением понимания роли рефлексии в феноменологическом анализе (Р. Эллиотт, Л. Тимулак, М. Купер и Дж. МакЛеод [8], Д. Барлоу, Б.И. Вэмполд), работающем с рефлексивными данными, сместился акцент с исследования с помощью рефлексии феноменов сознания на решение вопроса подлинности содержания рефлексии (О.В. Лукьянов, А.А. Стайпек) [9].

В рамках теории сознания в зарубежной психологии заслуживают особого внимания эксперименты, связанные с формированием, распознаванием представления о Другом, пониманием других людей. Для исследования способности осознать ложность чужих убеждений проведены большие серии экспериментов, благодаря которым доказано, что дети не в 4, а уже в 2,5 года распознают ложность в представлении о действиях других людей. Следовательно, эти дети способны понимать, что чужое сознание отличается от их собственного, и человек может действовать по-разному, что другие люди могут не знать чего-то, что знает ребенок, или иметь другие желания [10].

Д. Винникот [11], а также Дж. Бруннер и Б. Козловская [12] параллельно провели исследование, в котором показали непротиворечивые результаты: двухмесячные младенцы способны оценивать величину и удаленность показываемых им предметов. С двухнедельного возраста младенцы соизме-

ряют свои возможности с ситуацией, с условиями достижения предмета. Это и есть, по мнению экспериментаторов, суть любого рефлексивного акта – соизмерить возможности с условиями достижения. Н.Д. Гордеева и В.П. Зинченко писали, что «Д. Винникот приписывает младенцу магическое чувство, что именно он сотворил этот мир. Интенция самих исследователей состояла в том, чтобы доказать наличие у младенцев априорных способностей восприятия пространства и пространственных отношений, что они блестяще сделали. Возможно, помимо своей воли они продемонстрировали и другое, более важное, – способности детей к сопоставлению воспринятых отношений с возможностями невозможного здесь и теперь, а только будущего, потенциального действия. Авторы получили как бы чистый рефлексивный акт, совершающийся без предварительного опыта. Непременным условием последнего является наличие обратных связей, которые в поведении младенцев отсутствовали. Исследователи детства находили у детей в значительно более позднем возрасте способность планировать и проигрывать свои действия до действия. Когда действие сложится, пространство рефлексивной оценки расширится за счет включения в него координаты времени» [13. С. 92–93].

Экспериментально были выделены быстрая рефлексия и фоновая рефлексия, которые нередко сводят друг к другу, но это разные виды рефлексий. Быстрая рефлексия, по В.А. Лефевру, – это как бы встроенный в психику человека «врожденный информационный процессор, функция которого состоит в автоматической генерации этих образов вместе с их субъективным миром. Работа такого «процессора» порождает специфический спектр человеческих реакций, никак сознательно не контролируемых и протекающих чрезвычайно быстро (одна-две миллисекунды). Этот вид рефлексии, в отличие от традиционной, был назван быстрой рефлексией (fast reflexion; Lefebvre, 1987)» [14. С. 34]. Фоновая рефлексия была обнаружена В.П. Зинченко, он писал: «Эффекты такой процессуальной фоновой рефлексии обнаружены не в конце действия и не в начале, а по ходу его протекания. Они случаются до трех-четырёх раз в секунду [13. С. 26–41; 15. С. 87].

В целом атрибутивный подход не привел к созданию обобщающей теории, но внес значительный вклад в понимание онтогенеза рефлексии и постановку новых вопросов: не как проявляется, а как появляется рефлексия, когда, в связи с чем и на основании чего? Очевидным стало, что классическое представление о рефлексии в возрастной психологии не отвечает современным данным.

В проблемных вопросах континуальности и дискретности сознания поиск решений продолжается. В концепции дискретности сознания рефлексия в одном случае возникает в «разрыве» между двумя актами сознания, и в рефлексии фиксируется данный временной перерыв сознания, в другом случае «разрыв» существует, но рефлексией не фиксируется, что часто наблюдается при фармакологических стимуляторах измененного состояния сознания и «нетренированной» рефлексии фиксировать изменения

состояния и ощущений. Следовательно, рефлексивный акт является самостоятельным актом, в нем фиксируются акт самонаблюдения человеком феноменов своего сознания и описание их определенными знаково-символическими средствами; этим актом удерживается смысл происходящего, связывающий в целостность наблюдение за наблюдающим.

С позиции континуальности сознания рефлексивные акты рассматриваются не как факты сознания, а как обладающие своим собственным содержанием. Сознанию отводится эмоциональное содержание, а рефлексии – умозрительные иерархически выстроенные конструкции. Данной позиции соответствует феноменологический анализ Э. Гуссерля [16], благодаря которому из простых феноменологических свойств многоступенчато конструируется объект: то, что было методом его конструкции, на следующей рефлексивной ступени становится объектом.

Наличие двух позиций повлияло на теорию сознания, но отнюдь не на представление о роли рефлексии в анализе феноменов. Рефлексивный акт как акт не попадает в поле исследования феноменологов, но в реальности феноменологического анализа в большинстве случаев исследователи имеют данные не о феномене, а о рефлексии феномена, точнее, о содержании рефлексии, а не сознания, выполняющего отражательную функцию.

Ф. Петерс, последователь метакогнитивизма, выделил современные, развиваемые в Европе и США направления исследования рефлексии на стыке философии и психологии: рефлексивность как субъектность; теории рефлексивности высшего порядка (теории, объясняющие различие между сознательным и неосознаваемым); теории собственной репрезентативности рефлексии («First and foremost, is the fact that intrinsic theories are qualia theories which explain consciousness in terms of a reflexive-awareness-of-content structure, rather than reflexive-awareness as such» [17. С. 357], объяснение рефлексии не через рефлексию в ее предметной области, а через сам акт рефлексии как таковой). Метакогнитивизм в настоящее время в отечественной психологии позволил А.В. Карпову разработать концепцию системы со «встроенным» метасистемным уровнем: «Благодаря метасистемному уровню – как уровню, одновременно локализованному и внутри системы, и вне ее – система обретает возможность делать саму себя в целом объектом своего же собственного воздействия, управления, своей собственной организации (посредством своеобразного выхода на этот – внешний по отношению к ней уровень)» [18. С. 39]. К такому метасистемному уровню А.В. Карпов относит рефлексию.

Таким образом, краткий обзор основных исследований рефлексии позволяет сделать вывод о том, что рефлексия рассматривается в рамках своих предметных областей, и какими бы качествами и свойствами ее ни наделяли, она остается исследуемой в этих рамках. В связи с этим закономерно появляется «детский» вопрос: «Если рефлексия принадлежит сознанию, то как она может одновременно принадлежать ему и деятельности, мышлению, личности или, принадлежа деятельности, одновременно с этим принадлежать и личности, мышлению, сознанию?». Это вопрос об онтологии

рефлексии. Без ответа на этот вопрос все исследования остаются разрозненными и не приводят к относительно стройной и менее противоречивой концепции рефлексии, соответствующей современным принципам новой постнеклассической парадигмы.

Проблематизация. Сложившееся положение позволяет поставить два взаимосвязанных вопроса: «Можно ли, подведя определенные основания, осуществить обобщение знания о рефлексии, выработанное в разных подходах?» и «Что есть рефлексия как таковая, без предметных областей?» (вопрос онтологии рефлексии).

Принципы. Методологические основания, необходимые для поиска ответов на данные вопросы, выстраиваются в рамках определенной парадигмы. Мы опираемся на постнеклассическую парадигму. «Постнеклассическая психология – это такое состояние знания, когда различные научные теории, понимаемые как модели, описывающие отдельные аспекты психической реальности, образуют взаимосогласованную сеть», – считают М.С. Гусельцева и А.Г. Асмолов [19].

В нашем исследовании мы применяем принципы единства логического и исторического, развития, целостности. Логическая реконструкция истории исследования рефлексии в психологии позволила построить мета-модель рефлексии. На основе принципа развития мы показали, как в процессе конструирования мета-модели рефлексии осуществляется смена онтологического статуса рефлексии от простого отражения до интерпретационного, от регулирования до ориентировочно-исследовательского. Принцип целостности, утверждающий, что каждая система целостна и представляет сеть вероятностных и относительных конструкций, синхронизирующих между собой с помощью определенных ориентиров, позволил согласовать между собой структурное и онтологическое представления о рефлексии, а также выделить триангулярные отношения в полимодальности рефлексии, определить отношения между полимодальностью и полинаправленностью рефлексии.

Наше исследование является междисциплинарным, включает психологию, философию, методологию и другие дисциплины, осуществляющие вспомогательную функцию для доказательной базы модального подхода.

Методологические основания

Первое методологическое основание – сведение разрозненных представлений к единым основаниям. По мнению А.А. Гагаева [20], истинность знания об объекте устанавливается пересечением пяти подходов: феноменологического, атрибутивного, функционального, структурного, субстратного, развиваемых во всех науках технического, гуманитарного и естественнонаучного направлений. В психологии рефлексии развиваются феноменологический, функционально-атрибутивный (деятельностный, культурно-исторический, личностно-ориентированный), функционально-структурный (мыследеятельностный) и субстратный (метакогнитивный, дифференци-

альный) подходы. Область пересечения всех подходов – это новое представление о рефлексии, которое обладает новыми онтологией, принципами, качествами.

Ранее в работе «Мета-модель рефлексии в рамках мета-онтологии» [21] мы обозначили эту область, но не раскрыли связи процедур ее конструирования со сменой представлений о ее онтологии. В настоящей статье мы восполняем данный пробел.

Рефлексия обладает своей онтологией независимо от нас, но онтология влияет на наше познание ее. Это влияние выражается в постепенном приближении к слиянию представления об онтологии с онтологией, т.е. от парадигмы к парадигме мы приближаемся к более адекватному представлению об объекте, независимо от того, что идеальное мы познаем идеальными средствами. Критерием такого познания является здравый смысл. Для познания рефлексии существует еще одна особенность – рефлексия мы познаем на основании самой же рефлексии, с помощью методологической и теоретически-исследовательской рефлексии. От исследователя зависит, на какие правила, принципы и средства научного познания он будет опираться. Предметной областью рефлексии являются мышление, деятельность, сознание, личность. В гносеологии познания считается достаточным для полного представления об объекте выделение двух плоскостей: гносеологической и онтологической.

Для рефлексии мы определили гносеологическую плоскость, ограниченную тремя гранями – мышлением, сознанием и деятельностью, и онтологическую плоскость, ограниченную тоже тремя гранями: средствами, формами, видами. Этими двумя трехмерными пространствами, построенными по методу Р. Декарта, описываются все возможные варианты рефлексии в предметной области. Но встает вопрос: «Куда поместить механизмы самой рефлексии и критерии ее работы с представленной в ней информацией?» В связи с недостаточностью онтологической и гносеологической моделей для моделирования, в котором нам необходимо охватить внешние и внутренние проявления объекта, нами были введены еще две плоскости: статическая и динамическая. Внутренне объект обладает статикой и динамикой. По процедуре это равно тому, как если бы онтологическую и гносеологическую составляющие мы рассматривали внутри объекта. Статическая модель рефлексии представляет собой три грани, которые мы обозначили как три критерия: сознательное–неосознаваемое, согласование–рассогласование, достаточное–недостаточное. Динамическая модель рефлексии включает три группы механизмов рефлексии: первая группа – механизмы самоотношения, социально-личностные, коммуникативные, интеллектуальные, эмоционально-волевые, экзистенциальные; вторая группа – установочные механизмы; третья – механизмы переживания времени.

Модель-конструктор (мета-модель) способна охватить все известные модели рефлексии (Г.П. Щедровицкий [22], В. Лефевр [23], И.С. Ладенко [24], И.Н. Семенов и С.Ю. Степанов [25], А.В. Карпов [26], О.С. Анисимов [27] и др.). Данная мета-модель из четырех моделей соответствует пред-

ставлению об отражательной онтологии рефлексии. Но в силу того, что условием появления рефлексии является дуальность, а не монизм, в данном представлении онтология в полном смысле не является отражательной, она отражательно-интерпретационная. Независимо от признания и применения в практике эвристических средств рефлексии, подход к пониманию рефлексии имеет отражательно-интерпретационный характер. В эти четыре модели рефлексии, связанные друг с другом и не существующие одна без другой (и в этом заключается смысл удерживаемого единства при конструировании!), уместаются все имеющиеся, кроме субстратного, подходы к исследованию рефлексии: функционально-атрибутивный, атрибутивный, структурно-функциональный, феноменологический. Точка пересечения 12 граней фиксирует актуальную рефлексивную ситуацию. Пятая модель мета-модели, образуемая на пересечении 12 граней и вмещающая в себя точку пересечения, означающую «выбор», является моделью интенциональности рефлексии, соответствует субстратному (дифференциальному в психологии рефлексии) подходу.

При «разворачивании» содержания данной точки «выбор», мы получаем иной уровень обобщения, в котором раскрывается новое качество рефлексии – ее интенциональность, рассмотренное в работах А.С. Шарова [28], А.В. Карпова [26] и доказанное нами с помощью полученных в ходе конструирования опросника «Фокус рефлексии» [29] экспериментальных данных.

Субстратный подход предполагает целостное рассмотрение изучаемого явления, выделение его элементарной единицы и построение онтологии. Данный подход объединяет в себе все другие, ранее обозначенные подходы. Субстратный подход не отрицает множественности онтологий. Его можно выразить схемой, выделяемой из представлений мыследеятельностного подхода: «Онтология представляет саму себя выразительным множеством, состоящим из подмножеств: элементы (онтологические единицы), сборка (онто-схемы сборки элементов), окно миров (оценка потенциальной множественности миров онтологии и их понятийные образы)... в “СМД-методологии” такой элемент носит название “Кентавр-объект” – объект, в котором естественное и искусственное содержания переплетены. Нередко такие единицы называют онтологемами», – писал С. Орловский [30].

Пятая модель мета-модели состоит из шести граней, фиксирующих направленности рефлексии. Интенциональность фиксирует рефлексии в ее целостности. Пятая модель отвечает на вопрос: «На что?», – а другие четыре модели отвечают на вопросы: «Где? Как? Чем? На основании чего?». В целом мета-модель из пяти моделей соответствует регуляторной онтологии рефлексии. Помещение в центр мета-модели точки «выбор», включающей элементарные единицы рефлексии: 2R – «разрыв–ресурс» и 2RO – «разотождествление–отождествление», а также процессуальную развертку рефлексии, и являющейся центром пересечения всех 12 граней, преломленных через шесть граней направленностей рефлексии, приводит к совершенно новой модели, отражающей ориентировочно-исследовательскую

онтологию рефлексии. В рамках этой онтологии определяющим является вопрос: «Зачем?».

Целевая установка рефлексии позволяет субъекту ориентироваться в многообразии попадающего в рефлексию отражательного материала, в том числе и бессознательного, выбрасываемого в сознание аффектами, и в этом смысле рефлексия отличается от чистого, безэмоционального рассуждения на определенную тему, которое может, по существу, являться одной из форм рефлексии, но может быть чистым продуктом мышления. Рефлексия личностно обусловлена, даже если она и методологическая, научно-теоретическая. В свою очередь, развитые формы рефлексии влияют на формирование личности. Но рефлексия существует, как мы констатировали раньше, до появления субъекта, личности, она свойственна индивиду. И вопрос «Зачем?» сопряжен с вопросами о возможностях и необходимости: «Могу ли?», – которые в свернутом виде присутствуют в любом осуществляемом действии.

Как указывает Г.Я. Буш, еще римский оратор Квинтиллиан (I в. н.э.) определил семь вопросов, на которые крайне важно ответить, чтобы информация о событии, явлении, процессе, задаче была полной. К ним относятся следующие: Кто? Что? Где? Чем? Зачем? Как? Когда? [31]. Мета-модель рефлексии, представляющая собой ступенчатую конструкцию, соответствует ответам на все семь вопросов и позволяет как структурно, так и целостно (онтологически) описать рефлексию. В принципе, любое исследование рефлексии можно поместить в эту модель, осуществить проверку на истинность и определить, на основании какой онтологии выполнено исследование. Например, в рамках классической парадигмы, в отражательной онтологии рефлексии, выбор отрицался.

В исследованиях, относящихся к неклассической парадигме, полагалась функция осуществления выбора в рефлексивном акте и данный процесс рассматривался через чередование процедур объективации и субъективации, разворачивающихся в парном или групповом взаимодействии, а также в рамках одного субъекта. Понимание выбора соответствовало регулятивной онтологии рефлексии в сознании, деятельности, мышлении и личности.

Исходя из возможностей исследования рефлексии в постнеклассической парадигме, в рамках регулятивной онтологии, считается, что выбор опосредуется интенциональностью (более высоким уровнем обобщения) и направлен на поиск наилучшего способа адаптации (А.С. Шаров [28]).

На основании ориентировочно-исследовательской онтологии мы считаем, что выбор детерминируется как наилучшим приспособлением, так и наилучшим преобразованием, в чем и заключаются саморазвитие и самоорганизация как субъекта, так и любой организованности органической системы. Выбор опосредуется как интенциональностью, так и модальностями рефлексии.

Первое методологическое основание является достаточным для проведения анализа и обобщения представлений о рефлексии, выделения области пересечения – наложения, дополнения, развития (на основе выделенных

противоречий) теоретически-практического знания о рефлексии, для дифференцированного и целостного представления о ней в рамках данной области. Если выделить более широкие рамки изучения рефлексии, то неизбежно обращение от частной к всеобщей онтологии. «Помещение» рефлексии за рамки ее предметной области, в которых, несомненно, раскрывается ее сущность, способно обогатить познание рефлексии и выделить новые ее качества, проявляемые благодаря исследованию рефлексии на основе другого уровня обобщения.

Второе методологическое основание – определение места частной онтологии во всеобщей онтологии, позволяющее расширить представление о рефлексии и выделить новые возможности в ее исследовании. Всеобщих онтологий В.В. Никитаев [32] выделяет три: всеединства, дуальности, множественности.

К онтологии всеединства мы относим монизм и диалектический материализм (Платон и Аристотель, Спиноза и Гегель, Дицкен, Маркс, Энгельс и др.). В данную всеобщую онтологию укладывается отражательная онтология рефлексии, представляющая ее в виде интроспекции.

В онтологии дуальности (Августин, Декарт, Кант и феноменологи: Гуссерль, Хайдеггер, Щютц, Мид, Кули, Томас, Бергер, Лукман, Страус, Корбин и др.) раскрывается интерпретационная онтология рефлексии.

В онтологии множественности (Лейбниц, Поппер и др.), на которую опирается постнеклассическая парадигма, есть место для ориентировочно-исследовательской онтологии рефлексии. К онтологии множественности (мыслимых вместе разных объектов) мы относим критическую онтологию Н. Гартмана [33]. Данная онтология предполагает самостоятельное существование слоя; наличие четырех слоев, каждый из которых есть тот или иной вид реальности; относительную независимость и наличие отношений между слоями. В данной критической онтологии, являющейся гносеологической и проблемно-ориентированной, Н. Гартман дает методы анализа, которые можно применить для решения многих проблем. В рамках нашей темы в данной онтологии отсутствует готовый ответ на вопрос: «Что есть рефлексия?», – но обозначены возможности для его поиска.

А) В данной онтологии имеет место проблема как таковая – разрыв между вещью (объектом) и феноменом.

1. Рефлексия относится к познанию – «следует вспомнить, что естественное фундаментальное отношение в познавательном акте имеет форму *intentio recta*, что всюду, где господствует эта форма, она благоприятствует проникновению в предмет и что, напротив, там, где она уступает *intentio obliqua*, проникновение в предмет затруднено и возникают препятствия для него – вплоть до того, что оно “встает себе поперек дороги”. Препятствием является сама рефлексия. Правда, она ведет как раз к более высокому познанию, что означает: к познанию более высокого образования, т.е. самого духа, но только в той мере, в которой она удастся» [33]. Отнесение рефлексии к познанию охватывает всю психику и ее внешние связи, а не только когнитивные процессы. Это позволяет рассматривать ее шире, по сравне-

нию с представлением о ней как метакогнитивной способности в виде мышления о самом себе – «думать, как я думаю». Широта заключается в том, что не отбрасываются такие феномены, как рефлексия во сне, эмоциональная, душевная и духовная наполненность рефлексии, осуществление рефлексии как способа жизнедеятельности.

2. Н. Гартман выделяет три вида рефлексии: естественную, теоретико-познавательную и духовную. Он писал: «Естественное направление познания есть направление на его предмет. В процессе познания субъект знает о том, что он познает, но не о том, в чем состоит процесс познания как таковой. Теория же познания, которая как раз спрашивает о том, в чем состоит процесс познания и что является его условием, вынуждена изменять естественное направление познания, ориентируя его на него самого, вынуждена делать познание своим собственным предметом. Это изменение естественного направления есть теоретико-познавательная рефлексия. Длинный ряд апорий всплывает вследствие такой рефлексии: они глубоко вплетены уже в одно только описание феномена познания. Отсюда масса ложных и односторонних описаний феномена, коими теория познания страдает до сих пор» [34. С. 160]. Рефлексия рассматривается как средство перевода феномена в предмет познания. Данное представление согласуется с нашим пониманием рефлексии, изложенным в первом методологическом основании.

3. Содержание рефлексии может быть подлинным и неподлинным (искажающим). Н. Гартман считает, что форм проявления бытия, а тем более их трактовок, может быть действительно достаточно много, но не следует переносить объективный мир в область субъекта на том лишь основании, что он видит мир иным образом [Там же]. Данное утверждение выходит за рамки интерпретационных схем, характерных для феноменологии. Оно соответствует гносеологическому познанию рефлексии и, следовательно, исследует сам акт перевода объективного мира в субъективный, его определенные процедуры и результаты.

4. Направленность рефлексии на познание сущего. «Схватывание» трансцендентного позволяет проникнуть дальше, чем созерцание феноменов. Благодаря трансцендентным актам познающий субъект способен познать предметность в ее первоизданном подлинном виде, считает Н. Гартман [Там же]. В рефлексии есть средства не созерцания, а познания. Сознание созерцает, а рефлексия познает, но познает не как мышление, а как «схватывание» сущего, через смысл и значение. В процессе такого «схватывания» субъект встречается с собой в разных позициях деятельности, роли, познания. Многопозиционность и трансцендентность являются основами рефлексии.

Б) Важным является утверждение Н. Гартмана о том, что «психическое бытие и сознание обусловлено несущим их организмом, в котором и вместе с которым они только и могут явиться на свет. Подобным же образом великие исторические явления духовной жизни связаны с психической жизнью индивидов, их носителей в тех или иных условиях. Перемещаясь от слоя к слою через разделяющие их границы, мы каждый раз обнаруживаем одно и то же отношение основанности на «низшем», обусловленности

этим «низшим» и в то же время самостоятельности «высшего» в его своеобразии и собственной закономерности [33]. Данная связь позволяет искать психофизиологические корреляты рефлексии, на что направлены наши последние исследования.

В) Подробно рассмотрены два низших слоя: физически-материальный, органический-живой. В рассмотрении верхних слоев – душевном и исторически-духовном – остается много места для дальнейших исследований. Введение в слои ступеней с возможностью их обладания частной онтологией и новыми принципами позволяет рассматривать психологические феномены в двух формах – «вот-бытия» и «так-бытия», т.е. моменте существования (*dasein*) и моменте определенного бытия (*sosein*), что и было представлено нами в мета-модели рефлексии. Структура из слоев и ступеней, категорий и принципов, объектов и процессов позволяет онтологически рассматривать психологические феномены. Мы имеем право поместить мета-модель рефлексии в эту слоистую структуру. Г. Гартман выделяет для раскрытия феноменов в слоях структурные категории. Наша мета-модель построена в границах данных категорий. Но как только мы встраиваем мета-модель в рамки критической онтологии, рефлексия уже не остается в своей частной онтологии и рамках мета-модели, она приобретает совершенно новое в ее исследовании качество – модальность.

Г) Н. Гартман дал метод исследования слоев и, соответственно, ступеней: модальный анализ, категориальный анализ и, по нашему мнению, анализ интенциональности, устанавливающей границы как внутри слоя, так и на его границе с другими слоями (введение новых принципов, структур, способов взаимодействия между слоями и ступенями).

Исходя из вышеизложенного и на основании ранее выделенной ориентировочно-исследовательской онтологии рефлексии, мы, приходим к следующим выводам.

1. Рефлексия относится к познанию, но не к мышлению, сознанию, деятельности, личности. Рефлексия использует сознание, мышление, личность и деятельность как средства своей реализации, без них рефлексии нет, но и они достигают своего развития с ее помощью. Таким образом, у рефлексии свое особое место «над» мышлением, сознанием, деятельностью, личностью, и в них она выступает в одном случае как механизм, в другом – как процесс саморазвития. Но в рефлексии как таковой, как более высокой психической организованности, сознание, мышление, деятельность, личность представлены в их единстве, и только в этом случае рефлексия может быть способом самоорганизации и саморазвития психического. Данное обстоятельство позволяет ввести новый принцип, соответствующий высшей ступени душевного слоя, возможно, и слою в целом – единство мышления, сознания, деятельности и личности. В душевном слое, к которому Н. Гартман относит психику, рефлексия, по нашему мнению, занимает место высшей ступени. На данную ступень проникает слой исторически-духовный и оседает на ней в виде «осмысления значения» [35] и семиотических средств. В свою очередь, продукты рефлексии проникают в слой

исторически-духовный и оседают в нем в виде ценностей. Рефлексия располагается на границе двух слоев.

2. Благодаря обоснованному выделению для рефлексии места в виде ступени душевного слоя в критической онтологии Н. Гартмана, мы на полном основании можем применить для рефлексии модальный, категориальный анализы и анализ «границ», т.е. анализ интенциональности.

Из данных выводов следует, что в рамках онтологии Н. Гартмана **под рефлексией мы понимаем** высшую ступень душевного слоя – «над» сознанием, мышлением, личностью, деятельностью; она является по отношению к ним способом регулирования, ориентирования и исследования для совершения выбора на основе возможного, необходимого и действительного, их противоположностей и отношений между ними с целью самоорганизации жизнедеятельности органических систем.

Третье методологическое основание – применение новых методов исследования для выявления новых качеств объекта, определяющих его целостность. Модальный анализ рефлексии строится на выделении базовых модальностей и производных от них модальностей. Н. Гартман писал, что «само бытие нельзя ни определить, ни объяснить. Но можно отличить виды бытия и анализировать их модусы. Тем самым их можно осветить изнутри. Это осуществляется модальным анализом реального и идеального бытия. Здесь все связано с внутренними отношениями возможности, действительности и необходимости. Эти отношения в каждой из сфер бытия совсем разные; более того, они разные в логической сфере и в познании. Их нахождение составляет предмет целой, и притом новой, науки: модального анализа. Модальный анализ – ядро новой онтологии» [36. С. 322]. К базовым модальностям относятся: модальность действительного, модальность возможного, модальность необходимого и отрицательные формы этих модальностей.

Модальность действительного / недействительного выделяет рефлексивное содержание как реальное или ирреальное, с одной стороны, как факт и идею – с другой. «Дурная» рефлексия, включающая фантазии и интроспекцию, описанная Д.А. Леонтьевым [10], является в рамках модальности существующей. Интроспекция, если не поднимать вопроса о подлинности, который, как показала история, не решился до настоящего времени, относится к модальности действительного, а фантазии, иллюзии, проекты – к модальности недействительного.

Модальность возможного / невозможного в рефлексии может быть раскрыта по аналогии с измерениями в теории струн квантовой физики: рефлексия позволяет выбирать любую точку на ментальном временном отрезке и в этот конкретный момент производить то или иное мыслительное, личностно обусловленное действие. В зависимости от того, каким оно будет, будут представлены варианты альтернативных рефлексивных реальностей. Для продуктивной самоорганизации личности необходимо умение вырабатывать не одно рефлексивное представление о реальности на основе разных позиций, а как минимум две альтернативные рефлексивные реаль-

ности. В основе такой способности лежат навыки работы с большим противоречивым многомерным объемом информации и творческое отношение к своей личности, концентрируемые вокруг ценностно-смыслового поля сознания, направленного на преобразование внутренне-внешнего мира с целью сохранения и развития реальности в соответствии с универсальными законами. Большая доля ориентировочно-исследовательского действия рефлексии приходится на эту модальность.

Модальность необходимого / не необходимого (случайного) подразумевает избирательность рефлексии как выработку личностью определенных критериев выбора. Из события вычлениются только те его составляющие, которые позволят решить определенные задачи. Действие этой модальности является ведущим в саморегулировании личности: с одной стороны, опора на необходимые осознанные продуманные действия, с другой – приоритет случайных факторов и ситуативного реагирования на основе устойчивых характеристик – стереотипов, шаблонов, установок.

К производным триангулярных отношений между базовыми модальностями относятся модальности многомерного, темпорального, сознательно-го, достаточного, трансгредивного, трансцендентного и их противоположности.

Г.П. Немец отмечает, что отрицательная модальность является средством передачи отрицательного отношения к сообщаемому, к факту действительности, а не средством определения факта нереальным, несуществующим. Отрицательная модальность представляет собой имплицитный способ выражения отношения к действительности [37]. Н.В. Стетюха дополняет: «Практическое отрицание никогда не носит абсолютного характера, ибо действительность неуничтожима. Что бы, кем бы и когда бы ни отрицалось, итогом всегда выступает возникновение чего-то иного, какой-то новой связи, преемственно наследующей содержание того, что отрицается» [38]. В основе всех модальных категорий лежат три предиката: «мочь», «быть» и «знать», всевозможные сочетания которых друг с другом и с отрицательной частицей «не» позволяют охарактеризовать многообразие известных модальностей и их соотношения, считает М.Н. Эпштейн [39].

М.Н. Эпштейн выделял парные отношения между модальностями и разработал «общую классификацию модальностей» [Там же. С. 204]. «Наша цель – построить такую систему, которая исходила бы из наименьшего количества исходных дефиниций и позволяла бы конструировать из них наибольшее количество известных модальных категорий, а также характеризовать такие модальные свойства, которые в этом аспекте ранее не описывались. Максимум выводов из минимума посылок – таков идеал теории», – писал Эпштейн [Там же. С. 204]. Минимальный язык, состоящий из трех предикатов «мочь», «быть», «знать» и частицы «не», позволил Эпштейну системно описать 28 модальных категорий, среди которых «чуждое» и «должное», «предположение» и «сомнение», «способность» и «потребность», «вера» и «желание». Основой этих модальностей является то, что все четыре предиката и, соответственно, категории, связаны попарно.

«Возможное объединяется со случайным, а невозможное с необходимым по положительному или отрицательному признаку “мочь” – и они же попарно противопоставляются по признаку “быть”. Возможное объединяется с невозможным, а случайное с необходимым по положительному или отрицательному признаку “быть” – и они же попарно противопоставляются по признаку “мочь”. При этом (1) возможное и невозможное и (2) случайное и необходимое образуют две разные модальные категории, внутри которых члены связаны как утверждение и отрицание. Две другие пары: (1) возможное и случайное и (2) невозможное и необходимое – образуют две разные модальные ступени, или интенсивности, слабую и сильную (по сравнению с бытием небытием как средней ступенью). Возможное случайное – это слабая ступень интенсивности, на которой бытие и небытие обнаруживают в себе потенцию друг друга (случайное – потенция бытия не быть, а возможное – потенция небытия быть). Невозможное и необходимое – это сильная ступень интенсивности, на которой бытие и небытие резко противопостоят друг другу» [39. С. 211].

Мы применили не парные, а тройственные отношения базовых модальностей и их противоположностей, а затем вывели модальности второго ряда как производные от базовых и модальности третьего ряда как производные от модальностей второго ряда. В результате получили треугольную сеть модальностей рефлексии.

О.Т. Мельникова, Д.А. Хорошилов обосновали триангуляцию как основную стратегию валидации качественных исследований в современных условиях, потому что она «реализует теоретико-методологические принципы полипарадигмальности и плюрализма в плоскости исследовательской практики, т.е. в рассмотрении изучаемого предмета с нескольких концептуальной позиций» [40]. В полимодальности рефлексии реализуются триангулярные отношения, представляющие собою сеть из трех рядов: шести базовых модальностей (положительные и отрицательные), двенадцати модальностей – производных второго ряда (положительные и отрицательные; таблица), и ста шестидесяти модальностей – производных третьего ряда. Во втором ряду мы встречаемся с тем, что отношения между базовыми модальностями в модальностях второго ряда повторяются. Как видно из таблицы, благодаря отрицанию существует попарное соответствие формул отношений базовых модальностей. Формула отношений отрицания соответствует формуле положительных отношений в другой модальности. Это подтверждает представление об отрицании как таковом – за отрицанием есть как отрицание, так и другая реальность, которая принимается с помощью такого отрицания.

Двенадцать производных модальностей составили второй ряд модальностей. Это модальности многомерного, темпорального, сознательного, достаточного, трансгредиентного, трансцендентного и их противоположности.

Модальность достаточного сворачивает избыточное количество степеней свободы, выработанных в модальностях возможного и необходимого до однозначности, ведущей к принятию решения и совершению действия.

Работает принцип «бритва Оккама». Модальность недостаточного ведет к расширению степеней свободы, новому поиску из возможного необходимого.

Рефлексия. Модальности первого и второго рядов

Отношения между модальностями (формулы отношений)	Модальности
Действительного—возможного—необходимого	Базовые положительные модальности
Недействительного—невозможного—случайного	Базовые отрицательные модальности
<i>Второй ряд:</i>	
Недействительного—возможного—случайного	Не трансгредиентного
Не недействительного (действительного)— невозможного—не ненеобходимого (необходимого)	Трансгредиентного
Действительного—невозможного—необходимого	Многомерного
Недействительного—не невозможного (возмож- ного)—не необходимого (случайного)	Не многомерного
Действительного—невозможного—случайного	Несознательного
Недействительного—возможного—необходимого	Сознательного
Недействительного—возможного—необходимого	Темпорального
Действительного—невозможного—случайного	Не темпорального
Недействительного—невозможного—необходимого	Недостаточного
Действительного—возможного—случайного	Достаточного
Действительного—возможного—случайного	Не трансцендентного
Недействительного—невозможного— не ненеобходимого (необходимого)	Трансцендентного

Модальность сознательного характеризуется поступлением бессознательного, относящегося к модальности несознательного, материала в рефлексии и сознательной ее обработкой, а также сознательным отношением к внутренней и окружающей действительности. В данных модальностях более всего раскрываются внутренние ресурсы личности.

Модальность темпорального характеризуется согласованием разного в рефлексии, в том числе согласованием времени, упорядочивающего событийный ряд. В рефлексии существует одно реальное время «здесь и сейчас», в которое линейно или нелинейно (веером и ветвась) сворачиваются все разновременные объекты (события, условия). Модальность не темпорального рассматривает событие без вовлечения в него разновременных временных линий и не осуществляет синхронизацию событий, что влияет на узость и фрагментарность рефлексии, но, с другой стороны, может проявляться как развитость целостного осознания — узреть весь мир в настоящем при условии достаточного развития модальностей действительного, возможного и трансцендентного.

Модальности многомерного / не многомерного раскрываются при экспликации теории волн квантового мира: осознание объекта минимум в трех измерениях или их же одномерно в четвертом и последующих изме-

рениях. В психологии с прошлого века применяется многомерное шкалирование при обработке и интерпретации результатов, полученных при проведении батареи тестов. Исследователь должен выбрать ту размерность, которая позволяет связать выделенные мерности с существующими концептуальными системами и фактами. Методологическая, научная рефлексия в отличие от эмпирической априори является многомерной. Психические объекты также представляются многомерными. По мнению Р. Адкинсон, память о событиях и ситуациях представляет n -мерное пространство [41]. Многомерность рефлексии обусловлена, с одной стороны, избирательностью памяти, работающей как фигура и как фон в многофокусном внимании, с другой стороны, гибкостью и контентностью мышления [42].

Модальность трансгредийного соответствует способности рефлексии устанавливать границы и преодолевать их: занимать позиции наблюдателя, аналитика, методолога и другие по отношению к деятелю, выделять триаду «Я – Другой – Я и Другой». А.С. Шаров писал, что «без границы нет и рефлексии, так как граница имплицитно включена в структуру рефлексии, но и без рефлексии нет границы в собственно психологическом смысле, т.е. только в рефлексии субъект определяет для себя границы своего присутствия в мире» [28. С. 76]. Граница упорядочивает внутренний и внешний миры личности. Установление границ относится как к регулятивной, так и к ориентировочно-исследовательской онтологии рефлексии. Модальность не трансгредийного свидетельствует о неустановлении границ и связана с неразвитостью различения.

Модальность трансцендентного раскрыта в словах О.С. Анисимова: «На Востоке “Книга перемен” (И-Цзин) показывает путь развития и фиксирует принципиальную обращенность к всеобщим законам бытия и саму необходимость вписывания усилий по развитию и даже изменению в универсальный ход бытия. Не зная этих законов и не возвысившись внутренне до них, нельзя прийти к адекватности в поведении в условиях хаоса, что и является “высшим” в самоорганизации» [27. С. 76]. В этой модальности вершиной реализации является самоуничтожение рефлексии, выход в не-рефлексивное пространство, на что направлены многие духовные практики. Модальность не трансцендентного характеризуется обесмысливанием и неистинностью в рефлексии, регулированием на основе частных норм и правил.

Триангулярные отношения модальностей двух рядов показаны на рис. 1.

Триангулярные отношения между модальностями первого и второго рядов подтверждаются корреляционным и факторным анализом данных, полученных с помощью опросника «Фокус рефлексии» [29]. В констатирующем эксперименте принимали участие 807 человек в возрасте от 18 до 64 лет (261 мужчина, 546 женщин).

Факторным анализом выделено три фактора. Первый фактор: отношение «недействительного–возможного–случайного» (факторная нагрузка 0,94) и отношение противоположностей «действительного–невозможного–случайного» (факторная нагрузка 0,94).

Рис. 1. Триангулярные отношения между модальностями рефлексии в двух рядах:
В – возможного, НВ – невозможного, Д – действительного, НД – недействительного,
Н – необходимого, С – случайного, БП – базовые положительные модальности, БО –
базовые отрицательные модальности, ТЦ – трансцендентного, НТЦ – не трансцендент-
ного, ТГ – трансгредивентного, НТГ – не трансгредивентного, Т – темпорального, НТ –
не темпорального, ДО – достаточного, НДО – недостаточного, СО – сознательного,
НСО – несознательного, М – многомерного, НМ – не многомерного

Первый вид отношений имеет корреляционные слабые значимые связи (при $p \leq 0,001$ с модальностями сознательного ($r = 0,39$) и темпорального ($r = 0,32$), второй вид отношений с модальностями несознательного ($r = 0,39$) и не темпорального ($r = 0,32$). Эти модальности составляют первый фактор среди модальностей второго ряда и имеют между собой положительную корреляционную связь – сознательного и темпорального ($r = 0,59$), несознательного и не темпорального ($r = 0,59$). Отношения между базовыми модальностями и модальностями второго ряда не сложили одного фактора, по которому можно было бы сделать вывод причинно-следственных связей,

но наличие корреляционных связей подтверждает, что данный вид отношений является не причиной и следствием, а производным для этих модальностей второго ряда.

По подобию первого фактора второй и третий факторы, включающие другие отношения между модальностями первого ряда, имеют отношения с другими модальностями второго ряда, что подтверждает достоверность представленных логических выводов об отношениях базовых модальностей и модальностей второго ряда (таблица, рис. 1).

Производными второго ряда модальностей являются модальности третьего ряда. Мы выделили 160 вариантов триангуляции для третьего ряда (из 220 возможных вариантов отношений были исключены варианты, в которых встречались противоположности, например темпорального – не темпорального – сознательного). Каждая модальность третьего ряда имеет развернутую формулу базовых модальностей и формулу, состоящую из модальностей второго ряда. На основе данных формул модальности объединены в группы, подгруппы, виды, в которых работает принцип динамического равновесия противоположностей. В этом ряду нет той закономерности, когда отношения отрицательной формы модальностей являются положительной формой для другой модальности.

Более детальное рассмотрение богатого материала трех рядов модальностей не входит в задачи данной статьи. В целом тремя рядами модальностей как тремя разными уровнями обобщения раскрывается суть рефлексии. Возможно, четвертый и последующие ряды могут быть излишними и преумножать сущность без надобности. Можно выстроить отношения между группами модальностей, и этот другой уровень обобщения приводит к сворачиванию сети в сферу.

Существование модальностей трех рядов не отрицает структурного представления о рефлексии, упакованного в мета-модель. Модальность раскрывает целостность, а структура – ее проявление. Н. Гартман считает, что модус обеспечивает единство, а структура – многообразие [33], тем самым обозначая для нас отношения между модальностями рефлексии и структурной мета-моделью рефлексии. Также это относится к структуре полимодальности из трех рядов.

Кроме того, заслуживают внимания отношения между модальностями и направленностями. Исходя из принципа взаимодополнительности, мы считаем, что модальности и направленности рефлексии – это два разных взгляда на целостность рефлексии и два бытия целостности рефлексии. Полимодальность является инверсным образом полинаправленности не в смысле противоположности, а инаковости бытия, равно как и полинаправленность для полимодальности. Триангулярная сеть модальностей пронизана интенциональностью, которая придает ей активность и направленность. Интенциональность пронизана модальностями и тем самым наполняется качественными характеристиками. Например, направленность рефлексии на Я – это интенциональность пронизанная разными модальностями: «возможное Я (потенциальное)», «невозможное Я (идеальное)»,

«реальное Я», «будущее или прошлое Я», «Я и не-Я», «несознаваемое Я» и многие другие Я. По триангулярной сети можно проследить все связи данной направленности и построить портрет Я в диагностически развивающих целях, внося определенные критерии и меры самооценки / оценки, а также подкрепив модальное представление структурной мета-моделью рефлексии для дифференцированного анализа перспектив развития тех или иных видов, средств, механизмов и пр. Перспективным является в рамках качественного исследования разработка определенных форм, структурирующих такой анализ, полезный для самоанализа личности. Полиmodalность и полинаправленность как пронизывающие друг друга укладываются в диагностическую матрицу.

Модальный взгляд на рефлексию расширяет и углубляет имеющиеся на сегодняшний день представления о ней, позволяет качественно работать с текстом и направленно развивать рефлексию. Например, в обучении студентов деловой коммуникации, применяя матрицу модальностей и направленностей рефлексии в работе с текстами, можно диагностировать и выделять необходимые направления развития рефлексии для конструктивности и эффективности такой коммуникации.

Заключение

Мы раскрыли три основных методологических основания модальной психологии рефлексии. Первое основание является онтологическим и показывает, как рука об руку структура и онтология следуют, определяемые парадигмой, в психологическом исследовании рефлексии. Такое исследование носит обобщающий характер и стремится к познанию сущности. Только выйдя из рамок частной онтологии и предметности рефлексии, появляется возможность такого познания. Об этом наше второе методологическое основание, заключающееся в определении места рефлексии во всеобщей онтологии. В критической онтологии мы определили место рефлексии как высшей ступени душевного слоя, в которую проникает слой культурно-духовный. Данное место было выделено с помощью перевода структурной мета-модели рефлексии в логику слоев. В данной логике раскрылись новые качества и характеристики рефлексии. В категории целого и части по отношению к слою рефлексия является высшей ступенью. Ступень слоя позволяет вводить новые критерии, категории, принципы, соответствующие ей. Мы ввели принцип единства сознания, мышления, деятельности, личности. Третье методологическое основание вытекает из второго и является частным по отношению к нему.

Применение модального анализа, который в критической онтологии относится к каждому слою, привело к выделению базовых и производных модальностей рефлексии. К базовым отнесены три положительные модальности и три их противоположности. К производным отнесены 12 модальностей второго ряда и 160 модальностей третьего ряда. Все три методологических основания лежат в основе модального подхода в понимании

и исследовании рефлексии. Такое исследование является трансдисциплинарным, включает психологию, философию, методологию и другие дисциплины, пополняющие доказательную базу данного подхода.

Литература

1. Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Предпосылки и возможности формирования дисциплинарной онтологии в психологии // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2013. Т. 10, № 5. С. 85–90. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21271409>
2. Карпов А.В. Психология сознания: метасистемный подход. М. : РАО. 2011. 1088 с.
3. Дударева В.Ю., Семенов И.Н. Феноменология рефлексии и направления ее изучения в современной зарубежной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5, № 1. С. 101–120. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11719867>
4. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления / под ред. Н.Д. Виноградова ; пер. с англ. Н.М. Никольской. М. : Совершенство, 1997. 208 с.
5. Cáceres C.H. Re-Educating The Reflective Practitioner: a Critique of Donald Schön's Reflective Practice and Design Education For Engineering. URL: https://www.researchgate.net/publication/316649569_Re-Educating_The_Reflective_Practitioner_A_Critique_of_Donald_Schon's_Reflective_Practice_and_Design_Education_For_Engineering. DOI: 10.13140/RG.2.2.31642.24004.
6. Finlay L. Reflecting on 'Reflective practice' // PBPL CETL, 2008. Paper 52. 27 с. URL: <http://www.open.ac.uk/ocencetl/sites/www.open.ac.uk.ocencetl/files/files/ecms/web-content/Finlay-%282008%29-Reflecting-on-reflective-practice-PBPL-paper-52.pdf> (дата обращения: 27.09.2018).
7. Rettie H. Practical impressions of interpretative phenomenological analysis from the novice's standpoint // Nurse researcher. 2018. № 26 (2). URL: <http://dx.doi.org/10.7748/nr.2018.e1589>
8. Cooper M., McLeod J. Pluralistic counselling and psychotherapy. London : Sage, 2011. 196 p.
9. Стайпек А.А., Лукьянов О.В. Реляционность целей в групповой экзистенциальной психотерапии // Сибирский психологический журнал. 2017. № 63. С. 49–60. DOI: 10.17223/17267080/63/4.
10. Ettinger J.J., Baker C.L., Tenenbaum J.B. Learning What is Where from Social Observations // Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. 2012. № 34 (34). P. 515–520.
11. Винникотт Д.В. Семья и развитие личности. Мать и дитя. Екатеринбург : ЛИТУР, 2004. 400 с.
12. Козловская И.Б. Афферентный контроль произвольных движений. М. : Наука, 1976. 293 с.
13. Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Рефлексия в предметном действии // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2, т. 2. С. 90–105.
14. Лефевр В.А., Адамс-Веббер Дж. Функции быстрой рефлексии в биполярном выборе // Рефлексивные процессы и управление. 2001. № 1. С. 34–36.
15. Зинченко В.П. Опыт думания о думании : к восьмидесятилетию В.В. Давыдова (1930–1998) // Вопросы философии. 2010. № 11. С. 75–91.
16. Гуссерль Э. Идея феноменологии : пять лекций. СПб. : Гуманитарная Академия. 2006. 223 с.
17. Peters F. Theories of Consciousness as Reflexivity // The Philosophical Forum. 2013. № 44 (4). P. 341–372. DOI: 10.1111/phil.12018.
18. Карпов А.В., Карпов А.А., Маркова Е.В. Психология принятия решения в управленческой деятельности. Метасистемный подход. М. : Изд. дом РАО ; Ярославль : ЯрГУ, 2016. 644 с.
19. Гусельцева М.С., Асмолов А.Г. Парадигмы развития в психологии. URL: <https://stufiles.net/preview/1723029/> (дата обращения: 14.12.2017).

20. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Этнокультурная теория истины в теории и методологии субстратного подхода // Академия Тринитаризма. М., Эл № 77-6567, публ. 21446, 19.11.2015. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001c/00162757.htm> (дата обращения: 06.10.2018).
21. Сизикова Т.Э. Мета-модель рефлексии в рамках мета-онтологии // Сибирский психологический журнал. 2018. № 68. С. 6–31. DOI: 10.17223/17267080/66/1.
22. Щедровицкий П.Г. Идея рефлексии, изложенная в самых общих чертах // Модели рефлексии. Новосибирск : ЭКОР, 1995. С. 21–37.
23. Лефевр В.А. Рефлексия. М. : Когито-центр, 2003. 496 с.
24. Ладенко И.С., Винокуров В.Л. Интеллектуальные системы, рефлексия и генетическая логика // Модели рефлексии. Новосибирск : ЭКОР, 1995. С. 6–20.
25. Степанов С.Ю., Семёнов И.Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 31–40.
26. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 5. С. 45–57.
27. Анисимов О.С. Рефлексивная Россия будущего // Рефлексивные процессы и управление : тезисы V Междунар. симпозиума 11–13 октября 2005 г., Москва / под ред. В.Е. Лепского. М. : ИФ РАН. 2005. Т. 5, № 1. С. 23–28.
28. Шаров А.С. Онтология рефлексии: природа, функции и механизмы // Рефлексивные процессы и управление. 2005. Т. 5, № 1. С. 71–92.
29. Сизикова Т.Э. Модально-дифференциальный подход в психодиагностике рефлексии // Вестник КГУ. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 2. С. 51–61.
30. Орловский С. Культурная норма фундаментальной онтологии // Наука и техника. 2013. № 3 [259] URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D3469%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles>
31. Буш Г.Я. Методы технического творчества. Рига : Лиесма, 1972. 94 с.
32. Никитаев В.В. К онтологии множественности миров // Философия науки. М. : ИФ РАН, 2000. Вып. 6. С. 135–157.
33. Гартман Н. Познание в свете онтологии (пер. с нем. А. Лаптева) // Западная философия: итоги тысячелетия. Екатеринбург ; Бишкек : Деловая книга ; Одиссей, 1997. С. 461–540. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5571/5578>
34. Гартман Н. К основоположению онтологии / пер. с нем. Ю.В. Медведева ; под ред. Д.В. Складнева. СПб. : Наука, 2003. 639 с.
35. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся : очерки российской психологии. М. : Тривола, 1994. 304 с.
36. Гартман Н. Старая и новая онтология (пер. Д. Мироновой) // Историко-философский ежегодник 1988. М. : Наука, 1988. С. 320–324.
37. Немец Г.П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке. Ростов н/Д. : Изд-во РГУ, 1991. 187 с.
38. Стетюха Н.В. Модальная сущность отрицания в форматах функционально-семантического и функционально-прагматического полей // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). М. : Буки-Веди, 2014. С. 103–108. URL <https://moluch.ru/conf/phil/archive/136/6299/> (дата обращения: 09.11.2018).
39. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб. : Алетейя, 2001. 364 с.
40. Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Стратегии валидации качественных исследований в психологии // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 44. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.11.2018).
41. Atkinson R.C., Shiffrin R.M. The control of short-term memory // Scientific American, 1971. № 225. С. 82–90.
42. Сизикова Т.Э., Стунжа Н.А., Повещенко А.Ф., Агавелян Р.О., Волошина Т.В. Влияние современных web-технологий на развитие контентного вида мышления // Вест-

ник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 6. С. 71–86. DOI: 10.15293/2226-3365.1706.05.

Поступила в редакцию 10.11.2018 г.; принята 16.05.2019 г.

Сизикова Татьяна Эдуардовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры коррекционной педагогики и психологии Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: tat@ccru.ru

For citation: Sizikova, T.E. Methodological Foundations of the Modal Psychology of Reflection. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 72: 21–45. doi: 10.17223/17267080/72/2. In Russian. English Summary

Methodological Foundations of the Modal Psychology of Reflection

T.E. Sizikova^a

^aNovosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyuiskaya St., Novosibirsk, 630126, Russian Federation.

Abstract

Problem. Psychology has a lot of experience in the study of reflection, a holistic view of which can be formed in the area of intersection of different approaches.

The objective of the study. To define the methodological grounds that reveal the integrity of reflection.

Methodology. Principles of post-non-classical paradigm.

Results. The area of intersection of the five approaches: functional, structural, phenomenological, attributive, and substrate in the study of reflection, is not a collection of knowledge about reflection. In this area we highlight the ontology and the quality of the integrity of reflection based on the critical ontology of N. Hartmann. The modal psychology of reflection is built on three methodological grounds: the regulatory – orientingly – research ontology of reflection; the integrity of reflection is determined by modality and intentionality, between which there are inverse relations; the polymodality of reflection is a triangular network of three rows of modalities. The model of the integrity of reflection is a polymodality permeated by the intentionality; and the intentionality permeated by the polymodality. The structural representation of reflection is reflected in the meta-model of reflection, which consists of four models of reflection: ontological, gnoseological, static, and dynamic. Meta-model is a model-designer.

Reflection we define as the highest level of the soul layer – over consciousness, thinking, personality, activity, which is in relation to them a way of regulation, orientation and research to make choices based on the possibilities, necessity and reality with the purpose of self-organization of life of organic systems.

Keywords: modality of reflection; approximate-research ontology; triangular relations of modality; meta-model of reflection; intentionality of reflection.

References

1. Kozhevnikov, N.N. & Danilova, V.S. (2013) Prerequisites and Possibilities of Formation of the Disciplinary Ontology in Psychology. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta – Vestnik of North-Eastern Federal University*. 10(5). pp. 85–90. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21271409>. (In Russian).

2. Karpov, A.V. (2011) *Psikhologiya soznaniya: metasisistemnyy podkhod* [Psychology of Consciousness: the Metasystem Approach]. Moscow: RAO.
3. Dudareva, V.Yu. & Semenov, I.N. (2008) Fenomenologiya refleksii i napravleniya ee izucheniya v sovremennoy zarubezhnoy psikhologii [Phenomenology of reflection and the direction of its study in modern foreign psychology]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 5(1). pp. 101–120. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11719867>.
4. Dewey, J. (1997) *Psikhologiya i pedagogika myshleniya* [Psychology and Pedagogy of Thinking]. Translated from English by N.M. Nikolskaya. Moscow: Sovershenstvo.
5. Cáceres, C.H. (2017) *Re-Educating The Reflective Practitioner: a Critique of Donald Schön's Reflective Practice and Design Education For Engineering*. DOI: 10.13140/RG.2.2.31642.24004
6. Finlay, L. (2008) Reflecting on 'Reflective practice'. *PBPL CETL*. 52. 27 s. [Online] Available from: <http://www.open.ac.uk/opencetl/sites/www.open.ac.uk/opencetl/files/files/ecms/web-content/Finlay-%282008%29-Reflecting-on-reflective-practice-PBPL-paper-52.pdf>. (Accessed: 27th September 2018).
7. Rettie, H. (2018) Practical impressions of interpretative phenomenological analysis from the novice's standpoint. *Nurse Researcher*. 26(2). DOI: 10.7748/nr.2018.e1589
8. Cooper, M. & McLeod, J. (2011) *Pluralistic Counselling and Psychotherapy*. London: Sage.
9. Stipek, A.A. & Lukyanov, O.V. (2017) Relational-oriented goals in existential group therapy. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 63. pp. 49–60. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/63/4.
10. Ettinger, J.J., Baker, C.L. & Tenenbaum, J.B. (2012) Learning What is Where from Social Observations. *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. 34(34). pp. 515–520.
11. Winnicott, D.V. (2004) *Sem'ya i razvitiye lichnosti. Mat' i ditya* [The Family and Individual Development. Mother and Child]. Translated from English. Ekaterinburg: LITUR.
12. Kozlovskaya, I.B. (1976) *Afferentnyy kontrol' proizvol'nykh dvizheniy* [Afferent control of voluntary movements]. Moscow: Nauka.
13. Gordeeva, N.D. & Zinchenko, V.P. (2002) Refleksiya v predmetnom deystvii [Reflection in the objective action]. *Refleksivnye protsessy i upravlenie*. 2(2). pp. 90–105.
14. Lefebvre, V.A. & Adams-Webber, J. (2001) Funktsii bystroy refleksii v bipolyarnom vybore [Functions of quick reflection in the bipolar choice]. *Refleksivnye protsessy i upravlenie*. 1. pp. 34–36.
15. Zinchenko, V.P. (2010) Opyt dumaniya o dumanii : k vos'midesyatiletuyu V.V. Davydova (1930–1998) [The experience of thinking about thinking: the eightieth birthday of V.V. Davydov (1930–1998)]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 75–91.
16. Husserl, E. (2006) *Ideya fenomenologii: pyat' lektsiy* [The Idea of Phenomenology: Five Lectures]. Translated from German. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.
17. Peters, F. (2013) Theories of Consciousness as Reflexivity. *The Philosophical Forum*. 44(4). pp. 341–372. DOI: 10.1111/phil.12018
18. Karpov, A.V., Karpov, A.A. & Markova, E.V. (2016) *Psikhologiya prinyatiya resheniya v upravlencheskoy deyatel'nosti. Metasisistemnyy podkhod* [Psychology of decision making in management activities. The metasystem approach]. Moscow: Izd. dom RAO; Yaroslavl: Yaroslavl State University.
19. Guseltseva, M.S. & Asmolov, A.G. (n.d.) *Paradigmy razvitiya v psikhologii* [Paradigms of development in psychology]. [Online] Available from: <https://stu-dfiles.net/preview/1723029/> (Accessed: 14th December 2017).
20. Gagaev, A.A. & Gagaev, P.A. (2015) Etnokul'turnaya teoriya istiny v teorii i metodologii substratnogo podkhoda [Ethnocultural Theory of Truth in Theory and Methodology of the Substrate Approach]. *Akademiya Trinitarizma*. № 77-6567. Publ. 21446. November 19,

2015. [Online] Available from: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001c/00162757.htm>. (Accessed: 6th October 2018).
21. Sizikova, T.E. (2018) Meta-model of reflection within the framework of meta-ontology. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 68. pp. 6–31. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/66/1.
22. Shchedrovitsky, P.G. (1995) Ideya refleksii, izlozhennaya v samykh obshchikh chertakh [Reflection in the most general terms]. In: Ladenko, I.S. (ed.) *Modeli refleksii* [Reflection models]. Novosibirsk: EKOR. pp. 21–37.
23. Lefevre, V.A. (2003) *Refleksiya* [Reflection]. Translated from English. Moscow: Kogito-tsentr.
24. Ladenko, I.S. & Vinokurov, V.L. (1995) Intellektual'nye sistemy, refleksiya i geneticheskaya logika [Intellectual systems, reflection and genetic logic]. In: Ladenko, I.S. (ed.) *Modeli refleksii* [Reflection models]. Novosibirsk: EKOR. pp. 6–20.
25. Stepanov, S.Yu. & Semenov, I.N. (1985) Psikhologiya refleksii: problemy i issledovaniya [Psychology of reflection: problems and research]. *Voprosy psikhologii*. 3. pp. 31–40.
26. Karpov, A.V. (2003) Refleksivnost' kak psikhicheskoe svoystvo i metodika ee diagnostiki [Reflexivity as a mental property and a method for its diagnosis]. *Psikhologicheskiy zhurnal*. 24(5). pp. 45–57.
27. Anisimov, O.S. (2005) Refleksivnaya Rossiya budushchego [Reflexive Russia of the Future]. In: Lepsky, V.E. (ed.) *Refleksivnye protsessy i upravlenie* [Reflexive Processes and Control]. Vol. 5(1). Moscow: RAS. pp. 23–28.
28. Sharov, A.S. (2005) Ontologiya refleksii: priroda, funktsii i mekhanizmy [The ontology of reflection: nature, functions and mechanisms]. *Refleksivnye protsessy i upravlenie*. 5(1). pp. 71–92.
29. Sizikova, T.E. (2018) Modal'no-differentsial'nyy podkhod v psikhodiagnostike refleksii [Modal-differential approach in the psychodiagnostics of reflection]. *Vestnik KGU. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*. 2. pp. 51–61.
30. Orlovsky, S. (2013) Kul'turnaya norma fundamental'noy ontologii [Cultural norm of fundamental ontology]. *Nauka i tekhnika*. 3(259). [Online] Available from: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D3469%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles>.
31. Bush, G.Ya. (1972) *Metody tekhnicheskogo tvorchestva* [Cultural norm of fundamental ontology]. Riga: Liesma.
32. Nikitaev, V.V. (2000) K ontologii mnozhestvennosti mirov [On the ontology of the multiplicity of worlds]. *Filosofiya nauki – Philosophy of Sciences*. 6. pp. 135–157.
33. Hartman, N. (1997) Poznanie v svete ontologii [Knowledge in the light of ontology]. Translated from German by A. Laptev. In: Hartman, N. et al. *Zapadnaya filosofiya: itogi tysyacheletiya* [Western Philosophy: Results of the Millennium]. Ekaterinburg; Bishkek: Delovaya kniga; Odissey. pp. 461–540. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5571/5578>.
34. Hartman, N. (2003) *K osnovopolozheniyu ontologii* [On the foundation of ontology]. Translated from German by Yu.V. Medvedev. St. Petersburg: Nauka.
35. Zinchenko, V.P. & Morgunov, E.B. (1994) *Chelovek razvivayushchiysya: ocherki rossiyskoy psikhologii* [Human Developing: Essays on Russian Psychology]. Moscow: Trivola.
36. Hartman, N. (1988) Staraya i novaya ontologiya [Old and New Ontology]. Translated from German by D. Mironova. In: Makarenko, V.P. et al. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook]. Moscow: Nauka. pp. 320–324.
37. Nemets, G.P. (1991) *Aktual'nye problemy modal'nosti v sovremennom russkom yazyke* [Actual problems of modality in modern Russian]. Rostov on Don: Rostov State University.
38. Stetyukha, N.V. (2014) [The modal essence of negation in the formats of functional-semantic and functional-pragmatic fields]. *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve*

- [Philology and Linguistics in Modern Society]. Proc. of the Third International Conference. Moscow. November, 2014. Moscow: Buki-Vedi. pp. 103–108. [Online] Available from: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/136/6299/>. (Accessed: 9th November 2018). (In Russian).
39. Epstein, M.N. (2001) *Filosofiya vozmozhnogo* [The Philosophy of the Possible]. St. Petersburg: Aleteyya.
40. Melnikova, O.T. & Khoroshilov, D.A. (2015) The strategies of validation of qualitative research in psychology. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 8(44). pp. 3. [Online] Available from: <http://psystudy.ru>. (Accessed: 10th November 2018).
41. Atkinson, R.C. & Shiffrin, R.M. (1971) The control of short-term memory. *Scientific American*. 225. pp. 82–90. DOI: 10.1038/scientificamerican0871-82
42. Sizikova, T.E., Stunzha, N.A., Poveshchenko, A.F., Agavelyan, R.O. & Voloshina, T.V. (2017) The influence of modern web technologies on the development of a new kind of thinking. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 7(6). pp. 71–86. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1706.05.

Received 10.11.2018; Accepted 16.05.2019

Tatyana E. Sizikova – Associate Professor, Department of Correctional Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Cand. Sc.
E-mail: tat@cru.ru